

Распределение этих пленников по соответствующим работам, разумеется, было возложено на Анджел. Каждого пленного, которого приводили перед её очи, она едко и язвительно критиковала: одних отправляли на тяжёлый труд, других определяли в тыловую прислугу. Но когда очередь дошла до хрупкой девушки, презрение на лице Анджел сменилось откровенным отвращением.

— Эта слишком тощая, к тому же чистокровной крови у неё нет. Нечего переводить еду, уберите её на месте, спустите кровь, а мясо бросьте в загон для зверей на корм. Капюшон сорвали, обнажив пара крошечных звериных ушек. Девочка исступленно дрожала всем телом; босая, коленопреклоненная, в жалких обносках, она — несмотря на очевидный, сковывающий ужас — закусила губу и судорожно сжимала край одежды, не издавая ни звука. Видя этих обезумевших взрослых, и особенно то, как Анджела собирается пустить ребенка на корм, я не мог равнодушно смотреть, как они калечат цвет нации.

— И-и-я! — я ткнул пальцем в девочку-собачку, а затем похлопал себя по груди: мол, теперь эта вещь моя!

— Вы хотите её съесть? — Анджела выглядела несколько озадаченной. — То, что вы изволите есть мясо — это прекрасно, но если вы станете питаться всяким мусором, хозяин меня отругает. Пожалуйста, едите что-нибудь более питательное. Я закатил глаза до боли в затылке. Делать было нечего, и мне пришлось с несколько покачивающейся походкой подойти к девушке-псу. Я протянул руку и погладил её по голове, всем своим видом показывая, что вовсе не собираюсь её есть. В этот момент Менноса, стоявший рядом, внезапно озарило.

— Я понял! Оказывается, вы хотите приручить её? Хоть тело у неё и маловато, но вы уже в том возрасте... Молодым всегда хочется попробовать чего-нибудь новенького, совсем как мне в мои годы.

Да-да, всё верно. Старость — не радость, а мудрость. Всё-таки Менноса понимает меня с полуслова. Анджел, поучись у него.

— Помню, как я сам подвесил первого убитого врага на ветке дерева и радовался целых несколько дней, пока труп не превратился в голый скелет и я наконец не снял его.

Если вы продолжите в том же духе, мне придется вызывать полицию. Хвост девушки-пса испуганно зажался между лап. Видя, что Анджел всё ещё сомневается и выглядит так, будто ей вовсе не улыбается перспектива тащить домой бездомное животное, я мысленно взмолился: проявите милосердие, возьмите из приюта, а не покупайте! Делать нечего, я протянул руку к девушке-псу, и она послушно вложила свою ладошку в мою. Отлично, эта собачка явно не лишена ума. Я тут же поощряюще погладил её по голове.

— Вот оно что, — наконец поняла Анджел. — Вы обратили внимание на её способность к обучению. Пусть кровь у неё не чистокровная, но на вид она вроде бы не такая уж глупая. — Конечно, это всё благодаря проницательности юного господина, — с гордостью заявил Менноса.

Я же, разумеется, снова остолбенел: вы двое случайно не собираетесь вместе сходить к неврологу, чтобы проверить, отчего у вас в головах такие огромные дыры? Анджел наконец окинула собакодевочку оценивающим взглядом и с некоторым напускным смирением выразила своё согласие:

— Хотя выбор не самый лучший, но я подчинюсь вашему желанию и отведу её в поместье. Однако не хотите ли вы сначала дать ей имя?

Заставить меня давать имя не умеющему говорить малышу... Анджел, ну ты и даёшь. Но, к счастью, я — мастер языка жестов. Я тут же указал на наручные часы Анджел — ццц, судя по виду, это были дорогие зелёные часы.

— Вы спрашиваете про время? — уточнила Анджел, но я покачал головой.

— Спрашиваете про дату? — я кивнул.

— Сегодня седьмое мая. — Этот ответ заставил меня снова покачать головой.

Будь на её месте кто-нибудь другой, он бы уже давно отшлёпал ребёнка, но, к счастью, Анджел обладала невероятной мудростью, и ход её мысли отличался от обычных людей. Слегка помедлив, она произнесла:

— Юный господин, сегодня Уэнсдэй.

Услышав этот ответ, я тут же громко захлопал в ладоши, и Анджел сразу же всё поняла.

— Хорошо, с сегодняшнего дня твоё имя — Уэнсдэй.

Верно, я гордо упёр руки в боки и очень довольный закивал. Имя — Уэнсдэй, а домашнее прозвище будет просто Троица. И имя, и прозвище придуманы разом, до чего же я сообразителен!

— Уэнсдэй, чего ты замерла, немедленно опустишься на колени и вырази благодарность! — внезапно прикрикнула Анджел, отчего Уэнсдэй едва не уткнулась носом в землю от страха.

— Поблагодари за всё: поблагодари юного господина за то, что пощадил твою никчёмную жизнь, поблагодари юного господина за дарованное имя, а также за то, что имеешь честь служить членам семьи Руберто. Отныне служи своему господину изо всех сил, пока не исчерпаешь себя до конца и твоя душа не обратится в прах, тебе ясна твоя цель, Уэнсдэй?!

— Уэнсдэй всё поняла!!

Девочка по имени Уэнсдэй торжественно дала клятву. В этот день она обрела имя и новую жизнь. Глядя на её нынешний робкий и испуганный вид, вряд ли кто-то мог предположить, что в будущем она станет грозным Цербером — Уэнсдэй, но это уже совсем другая история.

После этого Момо пропала на несколько дней — кажется, она тоже ушла помогать, но все эти военные дела не имели никакого отношения ко мне, простому малышу. Такой уютный утренний час просто обязан начинаться с чашки кофе. Я неторопливо потягивал из бутылочки для кормления латте, в который забыли добавить кофе. Интересно, сколько у меня сегодня совещаний? Надо бы заглянуть в расписание. Усевшись на полу своим маленьким задом, я с важным видом принялся листать валявшийся под ногами альбом для рисования.

Сколько там ещё согласований на подходе? Похоже, день снова выдастся жарким.

Чтобы придать происходящему реалистичности, я даже нарисовал на бумаге печать восковыми мелками — мол, прошёл через все круги ада и наконец-то добился подписи замдиректора. Ничего не поделаешь, от скуки помрёшь: взрослого мужчину угораздило застрять в теле младенца, чем тут займешься? Обычные дочери-матери меня, разумеется, не устраивали, так что я играл в дочери-матери для офисного планктона, причём уделял огромное внимание деталям.

— Ум-м, я бы ещё тарелочку съел...

Рядом раздалось милое бормотание. Это Уэнсдэй во сне грезил о каком-то роскошном пиру. Малышка свернула калачиком прямо на толстом ковре, разостланном на полу, но, видимо, сказывалась привычка, выработанная в суровых условиях внешней среды: она всё равно жалконько куталась, пытаясь занять поменьше места. Увидев её ушки, до боли напоминающие хасские, я не устоял перед искушением и пустил в ход руки. На ощупь они оказались мягкими и горячими. Уэнсдэй тут же вздрогнула от испуга, но пошевелиться не смела, и лишь когда я вдоволь наигрался, я заметил, что её щёки густо покраснели.

— Доброе утро, хозяин. У меня ушки немного чувствительные, пожалуйста, будь поаккуратнее.

Смущённый вид, в руках — одеяло, да и голосок тихий, как комариный писк, так что я едва расслышал. Я потыкал Уэнсдэй в щёку: неужто моя собачка разболелась и у неё жар? Заметив, как она, замкнувшись в себе, забилась вглубь одеяла, я тут же вытащил вяленое мясо для приманки. Само собой, собачья мордашка тут же вынырнула наружу, и Уэнсдэй в один присест ухватила лакомство.

Отлично, расти быстрее — высокой и здоровой. В идеале — чтобы переросла Анджел.

Наверняка многие сталкивались с таким: в детстве родители подстраивали случайную пропажу какого-нибудь неугодного в доме питомца. Опасаясь, что Анджел тоже устроит Уэнсдэй несчастный случай, я старался держать щенка при себе, и мы с ней быстро привязались друг к другу.

— Спасибо, хозяин, мясо такое вкусное, Уэнсдэй очень нравится.

Она была непривередлива, обычной полоски мяса хватило для полного счастья. Уэнсдэй придвинулась ближе и принялась тереться о мою щеку, а её хвост так и ходил ходуном из стороны в сторону. Я не удержался и снова принялся его теребить. На этот раз никакой странной реакции не последовало. Хвост на ощупь был грубоватым, шерсть — очевидно неровной, а посередине красовалась глубокая залысина, пересекавшая его практически целиком. Неужели пострадала в какой-то драке?

— Уэнсдэй сама его обстригла. Как-то раз попыталась отрезать хвост, чтобы выглядеть как все,

но было слишком больно... Уэнсдэй оказалась недостаточно храброй, не смогла довести дело до конца.

Сжав сердце от жалости, я погладил Уэнсдэй по голове: ничего страшного, малышка, мне нравятся твой взъерошенный хвост и твои ушки. Теперь ты со мной, и ручаюсь, никто и пикнуть не смеет, что с тобой что-то не так! Слов вслух я не произнёс, но Уэнсдэй прижалась ко мне ещё крепче, словно точно поняла всё без слов.

— Малышка уже проснулась?

Услышав, как Келли открывает дверь и зовёт меня вставать, я тут же нырнул под одеяло. Если бы существовали соревнования по валянию в постели, я бы точно принёс славу всему роду. В прошлой жизни я ложился поздно, вставал рано и пахал даже по выходным, так что теперь твёрдо решил спать каждый день ровно столько, сколько душа пожелает. К тому же Келли будила меня так нежно, что я неизменно тянул до самого последнего момента.

— Сегодня мы отправляемся на прогулку, так что малышке никак нельзя залеживаться в постели.

При упоминании выхода на улицу мои глаза загорелись, и я тут же сел. Келли подхватила меня на руки и принялась расчёсывать волосы — они уже отросли настолько, что позволяли заплетать аккуратные маленькие косички.

— Предвкушаешь, как здорово мы погуляем?

Я захлопал в ладоши, выражая свою радость, а Уэнсдэй радостно закружилась вокруг нас. После того как меня поцарапал тот рыболюд, мама, вернувшись домой, пришла в изрядную ярость — говорят, из неё чуть было не сделали вяленую рыбу, и лишь вмешательство Менносы спасло несчастной жизнь, отделавшись в итоге парой ударов кнута. С тех пор из соображений безопасности я почти всё время сидел дома, в лучшем случае выбираясь во двор, чтобы погулять на своих коротких ножках. Я так давно никуда не выбирался!

Но куда мы направляемся? Я издал вопросительное «а-а» и посмотрел на Келли. Уж кто-кто, а она должна была меня понять — у нас полное взаимопонимание.

— Сама точно не знаю. Госпожа только что вернулась и велела собираться, говорит, покажет малышку врачу.

Что?! К врачу?! Я судорожно схватился за голову руками: неужели меня ждут прививки?!

<http://bllate.org/book/22271/2331693>